

RU

Теоретико-методологические основы изучения развития мышления пограничных пространств в исторической ретроспективе на примере римско-иранского пограничья (I в. до н. э. – нач. VII в. н. э.)

Чащин Е. В., Камышев К. Д.

Аннотация. Цель данного исследования – выявление особенностей мышления в пограничных пространствах на конкретно-историческом материале (римско-иранском пограничье, I в. до н. э. – нач. VII в. н. э.). Данная работа посвящена изучению исторического опыта формирования мышления у жителей приграничных районов античной и иранской цивилизаций. Исследование источников и историографии позволяет сделать вывод о наличии некоторых особенностей в ментальной сфере у представителей таких регионов. В частности, осмысление кейсов исторических документов, совмещенное с компаративистским подходом, осуществлённым в русле философии среднего уровня, позволило обнаружить у жителей фронта, в данном случае римско-иранского, существовавшего в поздней Античности и раннем Средневековье, более развитое, чем у представителей цивилизационных ядер синтетическое мышление. Важно также отметить большую роль личности в течении исторических процессов в пограничье по сравнению с другими территориями. Новизна исследования заключается в самой постановке вопроса о процессах формирования, развития и влияния специфического типа мышления на существование пограничных (трансграничных) пространств в истории, а также обратный процесс, в результате чего было получено новое научное знание о мышлении в трансграничных пространствах. В результате исследования установлено, что мышление античного фронта отличается не только синкретичностью, но и синтетичностью. Это рассматривается нами как часть комплексной теории пограничных (трансграничных) регионов в исторической ретроспективе.

EN

Theoretical and methodological foundations for studying the development of thinking in border spaces in historical retrospect: the case of the Roman-Iranian frontier (1st century BC – early 7th century AD)

E. V. Chashchin, K. D. Kamyshev

Abstract. The aim of this research is to identify the features of thinking in border spaces based on specific historical material (the Roman-Iranian frontier, 1st century BC – early 7th century AD). This work is dedicated to studying the historical experience of the formation of thinking among residents of the border regions of the Ancient and Iranian civilizations. An investigation of sources and historiography leads to the conclusion that specific features exist within the mental sphere of representatives of such regions. In particular, the conceptualization of historical document case studies, combined with a comparative approach carried out within the framework of mid-level philosophy, has revealed that residents of the frontier – in this case, the Roman-Iranian frontier of Late Antiquity and the Early Middle Ages – possessed more highly developed synthetic thinking than representatives of civilizational cores. It is also important to note the significant role of the individual in the course of historical processes in the frontier compared to other territories. The novelty of the research lies in the very framing of the question regarding the processes of formation, development, and influence of a specific type of thinking on the existence of border (transboundary) spaces in history, as well as the reverse process, resulting in new scientific knowledge about thinking in transboundary spaces. As a result of the study, it was established that the thinking of the ancient frontier is characterized not only by syncreticity but also by syntheticity. This is considered by the authors as part of a comprehensive theory of border (transboundary) regions in historical retrospect.

Введение

Проблема исследования выражается в малой изученности закономерностей развития пограничных (трансграничных) пространств в исторической ретроспективе в общем и в частности – проблем «мышления на фронтире». Актуальность работы заключается в важности и значимости результатов исследования для формирования теории пограничья (трансграничья) в исторической ретроспективе в рамках современной методологии истории. Современные проблемы пограничных (трансграничных) территорий, таких как Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток, Восточная Европа, и других геополитических регионов заставляют обращаться к опыту предшествующих эпох.

В качестве задач исследования требуется: во-первых, выявить теоретико-методологические спецификации мышления, существующего в условиях пограничья (трансграничья); во-вторых, проанализировать конкретно-исторические особенности мышления римско-иранского пограничья, прежде всего в этнокультурном и религиозном аспектах I в. до н. э. – нач. VII в. н. э.; в-третьих, рассмотреть проблемы мышления в контексте личностной идентичности в условиях римско-иранского пограничья I в. до н. э. – нач. VII в. н. э.

В данной работе применяются различные методы истории, философии, культурологии, религиоведения и других наук, например, системный и компаративистский подходы. Первый использовался для представления пограничья как целостного объекта, а второй – для сопоставления ментальности жителя политического Центра (Ядра) и пограничных пространств. Использовался историко-генетический (применялся для изучения процессов развития конкретно-исторического примера пограничных (трансграничных) пространств римско-иранского фронта), аналитико-синтетический (использовался для рассмотрения личности пограничья) и ретроспективный анализ, сыгравший роль исследовательской базы для связи с теорией и методологией исторической науки в вопросах развития пограничных (трансграничных) регионов (на примере римско-иранского пограничья). Поскольку данное исследование ориентировалось на конкретный исторический материал, применялись также и специально-исторические методы: историография для анализа исторических работ и источниковедение для сбора данных о феноменах, относящихся к теоретическому пространству нашей работы.

Теоретическая база исследования. Поскольку проблема исследования формирования мышления на римско-иранском фронтире не ставилась историками в рассматриваемом контексте, привлекаются теоретические фундаментальные труды по теории границ и пограничных пространств таких специалистов, как Х. Маккиндер (2021) (классик британской геополитики, основатель теории «Хартленда»), К. Хаусхофер (2001) (классик немецкой геополитики, занимался изучением границ), Ф. Тёрнер (2009) (американский создатель «теории границ» – фронтира), В. Л. Цымбурский (1996) (классик российской геополитики, одновременно являлся специалистом по периоду предшествующего античности развития Греции и Восточного Средиземноморья). А в рамках конкретно-исторической части исследования использовались работы Ф. Шехермейера (Schachermeyr, 1986) (антиковеда, крупного специалиста по эллинизму), А. Г. Грушевого (2008) (автора ряда работ по истории Иудеев, Римской Аравии, Сирии), В. А. Дмитриева (2019) (отечественного специалиста по раннесасанидскому периоду в истории Ирана и римско-сасанидским отношениям и войнам), Н. А. Савина (2025) (автора ряда исследований по римской истории, в частности биографий поздних Северов, римско-германскому пограничью на Рейне и др.), С. В. Обухова (2003) (специалиста по позднеэллинистической религии в Коммагене). Были привлечены нарративные, в частности работы античных историков, аутентичных рассматриваемому периоду, Диона Кассия (2011) (II-III вв. н. э.), Аврелия Виктора (1997) (IV в. н. э.), и отчасти эпиграфические источники из Пальмиры.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано при разработке лекционных курсов и специальных семинаров по антиковедению, востоковедению, теории и истории международных отношений. Также оно может быть использовано в непосредственной научно-исследовательской деятельности в рамках проблематики исторических, политических, культурологических и философских наук.

Обсуждение и результаты

Особенностью мышления пограничных территорий является соприкосновение ментальных черт культур социальных групп и этносов, пересечение которых осуществляется на этом пространстве. Как и в любой другой социальной среде доминирующий тип мышления формирует специфические для данного исторического феномена стиль и степень рефлексивности ментальности. Ввиду бесконечной диалектической, основанной на законе единства и борьбы противоположностей трансформации по мере последующих субкультурных интервенций данный доминирующий тип может меняться. Изменения последнего варьируются от актуализирующего с высокой степенью рефлексивности до совершенно нерефлексивного типа. Особенностью фронта здесь будет являться то, что, несмотря на спонтанность, высокую степень случайности в образовании системы «сдержек и противовесов», при которых люди, проживающие в пограничье, должны быть «стихийными дипломатами», коммуникация между ними выстраивается достаточно эффективно. Но при этом их мышление зачастую остается недостаточно рефлексивным (Леви-Брюль, 1994). Однако этот относительный недостаток компенсируется его прикладной практической направленностью. Последняя важна для данного исследования, поскольку одна из его задач заключается именно в осмыслении прикладной составляющей генезиса той или иной ментальности.

Особенности генерализирующихся стилей мышления, характерных для социальных общностей, проживающих на любой подвергнувшейся культурным трансформациям территории, с древнейших времен и до сегодняшнего дня фактически определялись совокупностью различных аспектов жизни населения. Этот комплекс во многом обуславливался необходимостью выполнения определенных задач, связанных с адаптацией и поддержкой устойчивого развития проживающих на данных территориях людей. Так, начиная с первичного деления на «цивилизации моря» и «цивилизации суши», отмечаемого Хэлфордом Маккиндером (2021), который опирался, в свою очередь, ещё на «Политику» Аристотеля, можно выявить влияние жизненных условий на ценностно-целевую ориентацию общности, составляющей специфический этносоциальный конструкт. Таким образом, мы можем наблюдать общие стратегические тренды в формировании мировоззрения, складывающегося в конкретных природно-географических условиях проживания определённого общества (Цымбурский, 1996). В сознании римлян граница конституировала завершенность и законченность. В этом смысле существует лимес Тартара и границы океана, суши, морей, территорий, занятых определённым населением, и, теоретически, следовательно, также лимес Римской империи (Forni, 1987, p. 276).

Пограничные типы ментальности в истории встречаются довольно часто: Эллинизм, Андалузская Испания, Германия периода религиозных войн, Австро-Венгерская империя, Афганистан, страны-лимитрофы, образовавшиеся на осколках трех империй после Первой мировой войны (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Румыния). В каждом случае мы сталкиваемся с особым взглядом на окружающую реальность, обусловленным соответствующим образом жизни. Но наиболее длительно существовавшим в истории трансграничных систем, имеющим собственный специфический ментальный комплекс является римско-иранское пограничье. Период существования последнего охватывает 8 веков: с I в. до н. э. до нач. VII в. н. э. Если рассматривать классификацию границ (по качеству и типу) по Карлу Хаусхоферу, римско-иранское пограничье можно классифицировать следующим образом: «Граница равновесия, с обеих сторон одновременно и разграничивающая, и соединяющая инстинктивно верные или осознанные жизненные формы, и одна из прочнейших пограничных жизненных форм, которая может быть создана только при обоюдном понимании» (2001, с. 149). За всё это время, несмотря на осуществившиеся трансформации, данная общность характеризовалась устойчивой мировоззренческой основой, имеющей интегративный характер по отношению к включённым в неё социальным структурам и институтам, что указывает на системность изучения феномена мышления пограничья (Каган, 1996, с. 17).

В рассматриваемый период (I в. до н. э. – нач. VII в. н. э.) именно регион римско-иранского пограничья выполнял роль «Великого межцивилизационного пояса (лимитрофа)» (Цымбурский), дистанцировавшего в ту эпоху условные Восток и Запад. В своей работе «Гомер и история Восточного Средиземноморья» В. Л. Цымбурский пишет: «... Теория “двойного подчинения”, разработанная Шахермейром на материале Запада Малой Азии II-I тысячелетий до н. э., обнаружила гораздо более широкую применимость, проливая свет на механизмы многих парадоксальных ситуаций древнего и нового времени (буферные государства Передней Азии между Римской империей и парфянами, Брант в средние века между Англией и Бургундией, Босния и Герцеговина в XIX веке, в подчинении Османской империи и Австро-Венгрии) (Гиндин, Цымбурский, 1996, с. 47-48).

Фактически особенности формирования ментальности на той или иной территории становились одним из вариантов цивилизационного ответа на бросаемый историей вызов (Гойнби, 2021). Пограничье же как место пересечения разных культур с различными стратегиями преодоления трудностей становилось не только полигоном, на котором происходило соединение усилий по борьбе с общими угрозами, но и пространством для синтеза разнообразных моделей мышления. Каждая из последних актуализировалась именно тогда, когда возникала необходимость в нетривиальном решении новых проблем, что обуславливалось широтой выбора решений. В трансграничных пространствах создавалась поливариативность поведенческих стратегий. Так, житель пограничья мог идентифицировать себя как с одной, так и с другой социокультурной общностью, существующей на фронтире, чего были лишены представители коренных территорий соответствующих ойкуменов. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример Демокрита, получившего образование за пределами родных Абдер и предположительно подвергнутого остракизму за «растрату наследства», фактически за нарушение сложившихся в этой закостенелой среде традиций (Асмус, 1976, с. 138). Очевидно, что для личностей, составляющих общности фронтиров, подобная казуистическая ситуация была бы не так актуальна. Хороший пример для демонстрации этого утверждения мы обнаруживаем в работе А. Г. Грушевого, описывающего гробницу представителя иудейской знати, приверженного эллинистическому образу жизни: «В жизни людей сочетались обе культуры... ибо совмещение иудейского и эллинского начал оказывалось возможным, но лишь в каких-то пределах» (2008, с. 95). Таким образом, взаимное сосуществование представителей разных народов, осуществляющих межкультурную коммуникацию, основывалось на признании права на инаковость. «В усыпальнице адептов иудаизма обнаружена надпись, отражающая взгляды, типичные для греческого восприятия мира» (Грушевой, 2008, с. 94), что подчеркивает социально-психологическую совместимость части представителей данных культур, проживающих в едином цивилизационном пространстве. Набор ценностно-ролевых ориентиров такого человека (чаще всего представителя эллинизированной части слоев общества) оказывался более гибок, поскольку мог содержать в себе компоненты различных, а зачастую диаметрально противоположных аксиологических систем. Это обеспечивало ему лучшую адаптируемость к изменяющимся историческим условиям.

Так, по данным среднеперсидского языкознания, персы могли называть римлян (затем византийцев) «имеющие белых коней» (Zoroastrian Middle Persian...), что для персов того времени играло важную идентифицирующую роль по принципу «свой – чужой». Сасаниды таким образом идентифицировали себя в рамках системы «Иран – не-Иран – Туран», имеющей религиозные корни (Дмитриев, 2019, с. 28-29).

Вызов со стороны более релятивной, чем в географических ядрах цивилизаций реальности делал мышление как ответ на внешнюю угрозу (Тойнби, 2021) быстрым и эффективным. При этом «стихийная дипломатия» во все времена играла немаловажную роль в процессе его актуализации. Исторически в пограничных пространствах складывается разнообразная этнокультурная среда, которая порождает внутри себя как конфронтацию, так и синтетические процессы. Для пограничных обществ характерно явление «двойного подчинения» (или «двойной лояльности»). По мнению Фрица Шахермейера, высказанном в работе, посвященной международным отношениям в Эгейском регионе позднего бронзового века, «рассматривая феномен двойного подчинения, не стоит ограничиваться только Ионией, поскольку аналогичные ситуации возникают в пограничных районах между Римской империей и парфянами, а также Сасанидами» (Schachertmeur, 1986, p. 23). Для этого применительно к римско-иранскому пограничью есть свои задокументированные доказательства. В качестве исторической иллюстрации «двойного подчинения» можно привести пример, когда в результате римско-парфянской войны 58-63 гг. н. э. на армянский престол был возведен парфянский ставленник Трдата I (основатель династии Аршакуни), брат царя Вологеза I, но при условии принятия римского протектората (Князький, 2013, с. 251).

С историко-философской точки зрения чрезвычайно интересным для понимания мышления человека, живущего на границе, материалом выступает то, что дается в эпиграфических источниках. Часто они являются личными (эпистолярные источники, эпитафии, различные граффити). Так, по данным надписей из Пальмиры можно восстановить интереснейшие ситуации, когда в качестве сотрудника своего торгового предприятия пальмирский купец привлекал бывшего римского центуриона, по всей видимости, в качестве охранника караванов (Шифман, 1987, с. 85).

Важным элементом человеческого мышления, демонстрирующим его эволюцию, является религия. В трансграничных регионах под влиянием межкультурного взаимодействия основных акторов и локальных особенностей могут складываться специфические религиозные культы. Так, в буферном между Римом и Парфией Коммагенском царстве II в до н. э. – I в н. э. существовал синкретический культ Зевса-Ормазда (Обухов, 2003, с. 60). В религиозных практиках данного культа сочетались элементы эллинского Зевса в виде бога-громовержца, Баал-Хаддада. Возможно, именно этот синкретический культ трансформировался в римский легионный культ Юпитера Долихена. В пользу данной точки зрения говорит то, что он зародился в коммагенской местности Долихия, известной своими источниками. В иконографии также, помимо фригийского колпака, используется и персидская тиара.

Схожие явления происходили и в других регионах Древнего мира. В качестве такого примера можно привести феномен греко-буддизма, существовавшего на границе Ирана и Индии в античную эпоху: Греко-Бактрийское, в дальнейшем Кушанское, царство (Фесюн, 2020, с. 2). Необходимо также упомянуть о том, что именно на территории римско-иранского пограничья началось формирование христианства – Палестина, I в. н. э. (Свенцицкая, 1987, с. 9), а также ислама – Аравия, VII в. н. э.

Римско-иранское пограничье стало местом рождения манихейства. Манихейство – синтетическая религиозная система, сочетающая в себе элементы христианства, иудаизма, зороастризма и даже буддизма. Сам Мани (настоящее имя – Сураик, сын Патека) появился в 216 г. н. э. на территории ядра Римско-иранского пограничья (Месопотамия, Мардина, неподалёку от Ктесифона), был сыном представительницы армянского рода Камсаракан (младшая ветвь парфянского по происхождению рода Карен-Пехлевидов), Мариам и Патека (греч. Паттикиос), происходившего из рода мидийских Аршакидов (Виденгрэн, 2001, с. 43).

Мани, если опираться на его признанную историками биографию (Виденгрэн, 2001, с. 52), можно назвать живым символом фронтальной ментальности. Это художник, писатель и основатель новой религии, сплотившей миллионы людей в III-VII вв. н. э. и существующей до сегодняшнего дня.

Еще в конце позапрошлого века американским исследователем, разрабатывающим теорию границы как культурного феномена, Фредериком Тернером были определены специфические личностные черты человека, живущего на такой территории. В первую очередь, к ним относится особое понимание свободы, опирающееся на уверенность в собственных возможностях при решении жизненных задач; автономность в принятии тех или иных решений, а также инициативный подход в достижении поставленных целей. Во вторую – человек, живущий на фронтире, обладает мужеством в принятии непростых решений, внутренней дисциплинированностью, а также способен сам организовать свой быт и рабочее пространство (Тёрнер, 2009). Мани смог, по сути, соединить на достаточно большой промежуток времени два крупнейших цивилизационных пласта – Запад и Восток – под сенью понятных для обеих этих социальных общностей смыслов. Он создал концепт, который был одинаково понятен и в Константинополе, и в Сынцзяне (Хосроев, 2007, с. 69). В результате, несмотря на трагический для себя итог, Мани смог достичь основных целей своей жизни, войдя в историю как успешный актер, являющийся беспрецедентным лидером общественного мнения своей эпохи. Яркость этого примера не затмевает других случаев, когда сознание жителей пограничья оказывалось более приспособленным к изменяющимся жизненным реалиям.

У фронтирменов – жителей пограничья – с социально-психологической точки зрения есть адаптивное преимущество. Каждый человек, живущий в пограничье, ежедневно примеряет на себя множество масок – символических воплощений социальных ролей, которые он играет в процессе выполнения задач соответствующей типологии и характера (Хёйзинга, 2011). Каждая из этих ролей в контексте ценностно-целевых ориентаций соответствующей субкультурной среды формируется в процессе практики по мере того, как человек сталкивается с новыми вызовами и учится давать им эффективный ответ. Данное утверждение равноприменимо как к Античности, так и к сегодняшнему дню. По мере углубления социализации, интеграции

личности во всё более сложные структуры внутриобщностной коммуникации растёт и количество воплощаемых ей ролей. Человек всё более плотно взаимодействует с социумом, меняясь сам и внося свою лепту в трансформацию общественных отношений (Калашникова, 1997). Каждый новый компонент опыта расширяет границы познавательных и практико-преобразовательных возможностей субъекта, предоставляя ему более объемный горизонт выбора максимально адекватных ситуации решений. Житель пограничья априори находится в положении, когда и ценностные ориентиры социальных общностей богаты своим разнообразием и вызовов становится больше, поскольку приграничное состояние всегда создает дополнительные риски и усиливает неопределённость. Именно последняя ответственна за проблемы идентичности и выбора жизненной стратегии. Однако прибывание в обществе, которое на объективном уровне преодолевает неопределённость (находясь, по сути, в состоянии жизни на поребрике кратера вулкана), дает складывающейся здесь социальной идеологии фору над социально-групповыми ориентирами, свойственными другим географическими пространствами.

Таким образом, успешный житель фронта с детства учится примерять на себя гораздо больше масок, чем представитель цивилизационного ядра. Этот навык особенно хорошо проявляется у него, позволяя более эффективно реализовать свой пассионарный потенциал в тот период времени, когда на данной территории происходит очередное резкое нарушение баланса. Именно незаурядные качества конкретного человека зачастую меняют политический и культурный ландшафт пограничья при дальнейших социальных трансформациях в том или ином направлении. Как это было, например, в начале VII в. при формировании новой мировой религии – ислама, что, собственно, и стало завершением эпохи римско (византийско)-иранского фронта.

Роль личности проявляется в первую очередь во время возникновения кризисов, когда основные акторы развития трансграничных пространств оказываются неспособными к контролю своей периферии и полупериферии. Именно в зоне римско-иранского пограничья появлялись и наиболее ярко проявляли себя на этом пространстве различные политические авантюристы, такие как, например, Лже-Нероны. Двое из наиболее известных самозванцев, выдававших себя за совершившего в 68 г. н. э. самоубийство императора, объявились именно на границе Рима с Парфией. Самым ярким из них был Теренций Максим, уроженец Малой Азии, который имел сходство с Нероном по внешнему виду и голосу (очень похоже на бывшего императора пел под кифару). Самозванец вместе со своими сторонниками из Азии направился к Евфрату. Там он был принят парфянским претендентом на престол Артабаном IV (80-81 гг. н. э.), который рассчитывал использовать его личность в качестве антиримского дестабилизирующего фактора на Востоке Империи (Кассий Дион Коккейан, 2011). Однако сам Артабан оказался недостаточно успешным и потерпел поражение от Пакора II. Лже-Нерон-Теренций был выдан римлянам и, предположительно, казнен. Эта история с самозванцем также свидетельствует в пользу авантюрного склада характера и самого Артабана как представителя римско-иранского пограничья. По предположению Анри Верстандига (Verstandig, 2001, p. 293-294), последний происходил из буферного государства, Мидийской ветви Аршакидов.

Достаточно интересной фигурой в истории Римской империей был человек, тесно связанный с Римско-иранским пограничьем, представитель династии Северов – Марк Аврелий Антонин Пий Феликс Август (урожденный Басиан), более известный под именем Гелиогабал. Он был посвящен в детстве эмесскому богу Солнца Элагабалу и воспитывался в своей религии, в подростковом возрасте стал реальным служителем этого культа, а в 14 лет был провозглашен императором (как предположительно незаконнорожденный сын Каракаллы). Под воздействием с одной стороны бурных событий 217 года на Востоке Империи (свержение императора Севера Каракаллы Макрином), а с другой – личных предрасположенностей Гелиогабал изменил эмесский культ бога Солнца практически до неузнаваемости, фактически превратив его в секту (Савин, 2025, с. 13-15). Его правление изобилует эпатажностью поведения (въезд в Рим на квадриге, запряженной обнаженными женщинами, брак с весталкой Юлией Аквилией Северой и др.), развратом, гомосексуализмом и полным пренебрежением римскими традициями, что выражалось прежде всего в извращенном культе Элагабала (почитался в виде метеоритного камня). Последний был привезен Гелиогабалом в Рим с целью фактической замены Капитолийской триады (Юпитер, Юнона и Минерва) на Астарту, Минерву, Уранию (в качестве супруг нового верховного бога Элагабала). Гелиогабал сделал обрезание и отказался от свинины, заставлял римскую аристократию наблюдать за ритуальными танцами у камня Солнца. В добавок он перенёс священные для римлян предметы – огонь Весты, анкил-щит Марса, анцилии-щиты Салиев и палладиум – в святилище Элагабала, устроил «брак» Элагабала с карфагенской богиней Танит. Все это вкуче вызвало гнев Преторианской гвардии, которая свергла незадачливого правителя (Савин, 2025, с. 88).

В отличие от Гелиобала, Филипп I Аравитянин (Араб), родившийся в том же году и приблизительно на той же территории (Трахонида, провинция Аравия), в 244 г. после смерти Гордиана III стал эффективным римским императором. Он заключил мир с Персией, отдал почести предыдущему императору, старался поддерживать хорошие и стабильные отношения с сенатом, благоустроил по римскому образцу и сделал колонией свой родной город. При нём было торжественно отмечено тысячелетие Рима, были введены законы против гомосексуальности, кастрации и мужской проституции (Аврелий Виктор, 1997). Есть предположение, что он был первым христианином на престоле, но это не подтверждается нехристианскими авторами.

Но помимо политических авантюристов и «выдающихся» в разных отношениях деятелей римско-иранское пограничье могло рождать и творчески неординарных людей. Среди них можно выделить Лукиана из Самосаты. Он происходил из столицы бывшего буферного государства римско-иранского пограничья Коммагены – Самосаты, был, вероятно, арамеоязычным сирийцем, так как предполагается, что древнегреческим овладел не с раннего детства. Лукиан являлся весьма плодовитым автором. Его перу принадлежит множество риторических и сатирических произведений, памфлетов, трактатов, автобиографии (созданных

в форме описания собственного сна). Но, пожалуй, самой интересной работой, демонстрирующей новаторство и нестандартность мышления этого автора, является произведение «Правдивая история». В ней, одновременно сочетавшей в себе элементы сатирического произведения, пародии на мифологические и полумифические сюжеты, литературную критику, а также фэнтэзи и научной фантастики (путешествие в космос, на Луну и Венеру), раскрывается менталитет Лукиана (1991, с. 3). Само нахождение последнего в пограничном положении демонстрирует нам состояние, которое в наше время описывалось бы как постирония. Глен Боуэрсок удачно охарактеризовал его прозу так: «Его стиль явно является продуктом, хотя и тонко спроектированным, аттицизмом, над которым он издевается» (Bowersock, 1985, p. 673).

Таким образом, фронтир породил немало индивидуумов, обладающих так называемым синтетическим мышлением, оказавшихся способными на нестандартные, а порой и опасные решения. В тоже время особенно-сти этого стиля ментальности, такие как мастерство в обобщении кажущихся на первый взгляд разрозненными фактов, включение последних в единую детерминационную последовательность и умение создавать целостную картину какого-то важного фрагмента окружающей реальности, сослужили хорошую службу многим его носителям, живущим в пограничье. Более того, именно знание принципов его развития, сформировавшихся ещё в Античности, оказывается востребованным и в современном мире, в котором можно наблюдать очень сходные и настолько же противоречивые процессы (Алтухов-Валуев, 2025). По большому счёту наличие такой ментальности обусловило собой способность фронтирменов преодолевать кризисы, хотя в некоторых случаях оно же их и провоцировало. Фактически говоря о синтетическом мышлении, распространённом в римско-иранском пограничье, мы обнаруживаем необычное сочетание внутренней дисциплины и ответственности с авантюризмом и разрушением шаблонов, что коррелирует с вызовами уже сегодняшнего дня.

Заключение

Таким образом, исходя из поставленных задач данной работы нами были сформулированы следующие выводы: во-первых, были исследованы спецификации мышления пограничных (трансграничных) пространств. Среди них выделяются поливариативность поведенческих стратегий, «двойственная лояльность», основанная на внешних атрибутах идентифицирующая роль по принципу «свой – чужой».

Во-вторых, в пограничных (трансграничных) пространствах под влиянием межкультурного взаимопроникновения главных субъектов и частно-региональных специфик формируются аутентичные конфессии, которые могут выглядеть причудливо (например, греко-буддизм, манихейство). Под влиянием соответствующих пограничных форм мышления в римско-иранском пограничье возникают мировые религии (христианство и ислам).

В-третьих, в результате рассмотрения проблемы актуализации мышления личности в контексте развития римско-иранского пограничья были обобщены данные о его особенностях. В качестве иллюстрации были приведены конкретные примеры и сопоставлены особенности идентичности фронтирменов (Гелеогабал и Филипп Аравитянин), реализовавших себя как в политической деятельности (Лже-Нероны), так и в сфере художественной культуры (Лукиан). На основании проведенной работы, выявлены следующие особенности мышления «человека пограничья»: синтетичность мышления, готовность к нестандартным (и зачастую рискованным) решениям и действиям, «стихийная дипломатичность», «двойственная лояльность». Данные выводы могут быть в дальнейшем проверены на других исторических примерах пограничных (трансграничных) регионов.

Направления дальнейших исследований. Развитие мышления в трансграничных пространствах в исторической ретроспективе обладает большим потенциалом для междисциплинарного исследования в социально-гуманитарном аспекте. Это, в свою очередь, способствует формированию комплексной теории и методологии изучения пограничных (трансграничных) пространств в историческом аспекте. Теория мышления в пограничных (трансграничных) регионах может быть применена для изучения конкретно-исторических проблем, возникающих на таких территориях, как Андалузская Испания, Османско-персидское пограничье XVI – нач. XX в., Российско-Китайская граница XVII-XX вв. и других.

Материалы исследования | Research materials

1. Лукиан. Избранная проза / пер. с древнегреч.; сост., вступ. ст., коммент. И. Нахова. М., 1991.
2. Цымбурский В. Л. Это твой последний геокультурный выбор, Россия? <https://web.archive.org/web/20100418233023/http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>
3. Zoroastrian Middle Persian Digital Corpus and Dictionary. <https://dev.mpcd.uni-koeln.de/corpus/ud-editor/44d86d09-2e37-48ab-bf09-0fe45b96511d/>

Источники | References

1. Аврелий Виктор. О цезарях // Римские историки IV века: сборник. М.: РОССПЭН, 1997.
2. Алтухов-Валуев А. Синтетическое мышление. М., 2025
3. Асмус В. Ф. Античная философия. Изд-е 2-е, доп. М.: Высш. школа, 1976.
4. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. СПб., 2001.

5. Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.
6. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.: Историческая библиотека, 2008.
7. Дмитриев В. А. Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. СПб.: Наука, 2019.
8. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.
9. Кассий Дион Коккейан. Римская история / пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строгеецкого; под ред. А. В. Махлаюка; комм. и статья «Историк “века железа и ржавчины”» А. В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. Кн. LXIV-LXXX.
10. Калашникова Е. М. Личность и общество (Проблема идентификации): монография. Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 1997.
11. Князький И. О. Нерон. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2013.
12. Леви-Брюль Л. Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
13. Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021.
14. Обухов С. В. Пантеон и царский культ в Комагене. М.: Альма-матер, 2003.
15. Савин Н. А. Последние Северы. СПб.: Алетейя, 2025.
16. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1987.
17. Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009.
18. Тойнби А. Постигание истории. М.: Академический проект, 2021.
19. Фесюн А. Г. Гандхара: греко-буддийский синкретизм. М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2020.
20. Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
21. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
22. Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). СПб., 2007.
23. Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций: очерки. М., 1996.
24. Шифман И. Ш. Заметки по эпиграфике Пальмиры // Палестинский сборник. История и филология. 1987. Вып. 29 (92).
25. Bowersock G. W. Lucian // The Cambridge History of Classical Literature / ed. by P. E. Easterling, B. M. W. Knox. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
26. Forni G. 'Limes': nozioni e nomenclature // Il confine nel mondo classic / ed. by M. Sord. Milano, 1987.
27. Schachermeyr F. Mykene und das Hethiterreich in ihren politischen Beziehungen. Vienna, 1986.
28. Verstandig A. Histoire de l'Empire parthe (-250 à 227). Bruxelles: Le Cri Histoire édition, 2001.

Информация об авторах | Author information

Чащин Елисей Владимирович¹, к. филос. н.
Камышев Константин Дмитриевич²

¹ Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации;
 Волжский государственный университет водного транспорта – филиал в г. Перми

² Пермский государственный аграрно-технологический университет

Elisey Vladimirovich Chashchin¹, PhD
Konstantin Dmitrievich Kamyshev²

¹ Perm Military Institute of National Guard Forces of the Russian Federation;
 Perm Branch of Volga State University of Water Transport

² Perm State Agrarian and Technological University

¹ chashin86@mail.ru, ² robepewr@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.12.2025; опубликовано online (published online): 20.01.2026.

Ключевые слова (keywords): синтетичность мышления; пограничная (трансграничная) ментальность; римско-иранское пограничье; фронтальная культура; теория пограничных (трансграничных) пространств; synthetic thinking; border (transboundary) mentality; Roman-Iranian frontier; frontier culture; theory of border (transboundary) spaces.